ВСЕГДА ПОРЫ В И ПОИСК

Резко и протяжно извещал о себе скорый. Мелкая колючая крупа покрывала спалы, тускло досыпавший асфальт и крыши вагонов. Борис сошел первым, подал руку Жене. После душного вагонного тепла им показало особенно холодно.

Для Бориса Иркутск не был «городом как все». Его связало с ним детство, когда вместе с другими эвакуированными детьми он попал в детский дом. Давно это было. С тех пор очень переменялся старый сибирский город. Его трудно было узнать...

Чуть позже в Иркутском ТЮЗе спорили: — Помилуйте, что это за распределение ролей в «Коллегах»? Это же Зеленин! — громко говорили одни о Дружнове.

— Да, это Зеленин. И ни в коем случае не Максимов, — уверенно подтверждали другие.

И только главный режиссер молчал. Главному было трудно — не хватало актеров. А пьеса уже была принята к постановке и уже шли первые репетиции. Молодому актеру, приехавшему из далекого Могилева, немедля нужно было включиться в работу.

...Уже к концу шли репетиции. И назначен был день премьеры. И только Дружнов—Максимов в промежутках между сценами был до странности задумчив. На последнюю репетицию он попросил прийти своего лучшего друга — Женю Сокурову, жену.

— Не получается что-то. Женя.

Позади была трудная, очень трудная работа. Предельно мягкий, delicate человек у всех на глазах превратился в человека с определенным крепким характером, не принимающим всерьез ни мягкость, ни delicateность.

Тут же в полумерном зале, после прогона, он говорил взволнованно:

— Понимаешь, чувствую, что сцена хороша, а вот не хватает чего-то, главного.

— Ты прав. Скажи вот, для чего ты все делаешь?

Но он уже понял. Как хорошо, когда рядом друг! Один намек — и приходит ясность. Но волнение и тревога не уходят.

После премьеры друзья-актеры поздравляли его с первой победой.

— Здорово! — скупое слово было дорожно любых похвал.

Первое горячее слово в театре перед иркутским зрителем было сказано. Уже оно одно показало, насколько близка артисту тема современности в высоком смысле — тема гражданственности, без чего невозможно представить сегодняшний театр. Это значит, что каждый день артист живет жизнью не только своего театра или города, но и — жизнью страны, может быть, и планеты, собирая в себя время, события, людей. Ведь от этого зависит глубокое и точное решение воплощаемого характера на сцене.

Театр юного зрителя — прежде всего, театр детский. И следующий спектакль — для детей. Живой, очень яркий, по своему интеллектный. Сказка «Конек-Горбунок» по Ершову, созданная иркутским драматургом Малыревым.

Маленькие зрители — совершенно удивительные люди. Попадая в театр, они моментально теряют ощущение зала и сцены, становятся участниками всего происходящего.

— Ведь только раз сфальшивишь — не поверят....

Да, они не поверят тому, кто плохо знает законы их необыкновенного мира, не понимает их языка.

У Дружнова все абсолютно иначе. Это тонкий детский психолог, чуткий воспитатель и. само собой, — верный друг каждого маленького зрителя.

Каждый только что выучившийся читать малыш уже обычно знаком со сказкой Ершова, с веселым и уморительным Иванушкой. Но на спектакле дети знакомятся будто с новым Иваном. Это уже герой, который не может не нравиться детворе — он честен.

прям, по-русски смекалист. И уже не над Иваном потешается маленький зритель, а над глупым царем и бесчестными братьями.

Иногда говорят, что работа в детском театре малоинтересна и почти ничего не дает для роста. Обидное мнение, по меньшей мере! Чтобы изменить его, надо в первую очередь посмотреть спектакль Иркутского ТЮЗа по пьесе Годека и Вейта «Для кого цветут подсолнухи». Это спектакль-пантомима, жанр очень сложный, предъявляющий огромные требования к артистическим способностям участников. Вот на сцене появляется главный герой спектакля клоун Паздера, он же Якуб-садовник. Это Борис Дружнов. Он будто сошел сюда с незнакомой, непонятной нам земли, где царствует само добро и только добро, где даже и не подзревают о том, что на свете еще существует и зло. Вот оно рядом, в лице садовника Себастьяна, который навис над оградой солнечного сада и швырнул кирпичом в нашего Якуба, Якубчика. А это удивительное существо, поверив в недоразумение, торопится... вернуть кирпич. Нет, не может человек причинить зло! Потому что зла ведь нет! Какой он ласковый, трогательный, чуточку смешной в своей заботе к цветам, какой он веселый и благодарный, когда сражается, и как смущен победой! Это все пантомима! В этой сказке нет слов. Но насколько же оказалась прекрасен светлый образ очень лиричного, очень человеческого клоуна! Пожалуй, невозможно было отличить, где Якуб, где Дружнов. А один человек в театре, между прочим, так и сказал:

— Дружнов — это и есть Якуб.... И это очень близко к истине.

В маленькой уютной квартире на Свердловла любают бывать гости Можег, виновато в том искренне радушие хозяев или вкусно приготовленный черный кофе. А может, и больше, довольно объемистые альбомы, в которых тоже... сказка, сказка без слов. Пушистая пчелка в середине цветка греется

на солнце, как живая ящерка, растянувшись на шляпке мухомора; веточка молоденькой ели, чуть припорошенная будто блестками — первым снежком; такие «прохладные» красавицы кувшинки — чтобы заснять их, пришлось по грудь лезть в воду. Даже пестрая голова гадюки на цветке кажется очень красивой.

Трудная это задача — перечислить все, что я увидела тогда. Но невозможно не заметить было особую любовь автора к лесным пейзажам. Лес зимний в белом безмолвии, на снежной поляне уводящие куда-то следы, будто голубовато-затененные. Лес в половодье, где так и слышится рокот воды рядом с ледяной прозрачной корочкой. Есть и чуть-чуть диковатый, заросший, наверное, очень зеленый лес.

Это все тоже искусство! Это необыкновенный дар человека — видеть прекрасное, наблюдать тайну красоты природы, ту, что дает ощущение счастья быть человеком, — и делить этот дар с другими. Он давно оценил этот подарок природы — видеть прекрасное. Когда еще перед войной в московских дворах прямо на траве они играли свои детские спектакли, когда в войну после детского дома в Иркутской школе музыкантских воспитанников он вместе с младшим братишкой познавал музыку, разучивая первые гаммы, когда позднее, в Московском художественном ремесленном училище, он начал понастоящему рисовать. И даже потом, в армии, в суровой солдатской обстановке он постоянно находил это прекрасное: влюбляясь в легкие серебряные машины, в небо, в друзей по экипажу (некоторые из них послужили потом прообразами его сценических героев).

Говорят: мастерская актера — это он сам. Значит, не может быть подлинных мастеров, лишенных истинных человеческих достоинств... В галерее дружновских героев — множество людей, живших в разные исторические эпохи. Смелых и трусливых, сильных и слабых, умных в глупых, добрых и злых. Здесь и Борис Соляшникин — парень с большой чистой душой, хотя и трус поначалу, из спектакля «Дальняя дорога», и Грумио — веселый слуга, обжора и лодырь из «Укрощения строптивой», Анастасис — патриот, поэт и боец из «Острова Афродиты», Яшка-остроумный весельчак, ненавидящий буржуев, из спектакля «Именем революции», Кочкарев из гоголевской «Женитьбы», Сашка — Д'Артаньян эпохи революции из пьесы «20 лет спустя», Михаил в пьесе Розова «В день свадьбы».

В перечне названных героев — люди разные, непохожие ни на самого актера, ни друг на друга. Но актер всегда имеет свое человеческое отношение к этим образам, свое воинствующее гражданское кредо. Это артист широкого творческого диапазона, пытливый, всегда в поиске, душевный порыве, в работе. А главный режиссер театра Эверт Дмитриевич Корсаков выразился куда более точно и лаконично:

— Актер предельно эмоциональный! Каждый журналист в беседе со своим героем прибегает на конец разговора традиционный вопрос о планах на будущее. Вот что ответил Дружнов:

— Меня давно привлекает роль Одова в «Обыкновенной истории» Гончарова. Жизнелюбивый романтик превращается в убийцу. Это тот материал, на котором учатся и растут актеры. И еще моя самая давняя мечта, и самая тайная, — он как-то светло и обаятельно улыбнулся, — мне очень хочется сыграть Чацкого....

Жизнь сегодня стремительно рвется вперед. И актер призван быть человеком не просто поспевающим за нею, а заглядывающим в будущее. Значит надо, чтобы сама жизнь актера была всегда поиск, всегда порыв....

Л. МАШИР.